

Правоотношения как предмет правового регулирования

Legal relations as a subject of legal regulation

Мирошник С.В.

Д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти ФГБОУ ВО «РГУП», г. Москва
e-mail: miroshnik67@mail.ru

Miroshnik S.

Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Theory of Law, State and Judicial Authority, Russian State University of Justice, Moscow
e-mail: miroshnik67@mail.ru

Аннотация

Цель написания статьи – опираясь на научно обоснованную концепцию интегративного правопонимания, синтезирующую онтологически однородные правовые регуляторы - принципы и нормы права, исследовать дискуссионные вопросы предмета правового регулирования. Использование разнообразных методов познания правовой реальности (диалектико-материалистический, общенаучные и частно-научные) дало возможность разграничить правовое регулирование и правовое воздействие, сделать вывод о том, что предметом правового регулирования не могут выступать все общественные отношения, в таком качестве выступает только лишь одна их разновидностей, а именно: правоотношения; подчеркнуть диалектическую взаимосвязь правового и индивидуального регулирования правоотношений. Системный анализ правовых регуляторов, а также реального поведения участников правоотношений позволяет оценить эффективность правового регулирования и правового воздействия, скорректировать принципы и нормы права таким образом, чтобы предлагаемые правовые модели находили свое реальное воплощение, достигались цели правового регулирования. Сложности правового регулирования обусловлены разнообразием предмета, возможностями формирования и развития фактических правоотношений, им в статье уделено особое внимание. Цифровизация расширяет предмет правового регулирования. Отсутствие единого подхода в понимании цифровых технологий, их градаций усложняет правовое обеспечение цифровых правоотношений.

Ключевые слова: право, правоотношение, предмет правового регулирования, правовое воздействие, поведение участников правоотношений.

Abstract

The goal is: based on the scientifically based concept of integrative legal understanding, synthesizing ontologically homogeneous legal regulators - the principles and norms of law, to explore debatable issues of the subject of legal regulation. The use of various methods of cognition of legal reality (dialectical-materialistic, general scientific and particular scientific) made it possible to distinguish between legal regulation and legal influence, to conclude that all social relations cannot be the subject of legal regulation, only one of their varieties acts as such, namely: legal relations; emphasize the dialectical relationship between legal and individual regulation of legal relations. A systematic analysis of legal regulators, as well as the actual behavior of participants in legal relations, makes it possible to evaluate the effectiveness of legal regulation and legal influence, to adjust the principles and norms of law in such a way that the proposed legal models find their real embodiment, the goals of legal regulation are achieved. and the development of actual legal relations, they are given special attention in the article.

Digitalization expands the subject of legal regulation. The lack of a unified approach to understanding digital technologies and their gradations complicates the legal support of digital legal relations.

Keywords: law, legal relationship, subject of legal regulation, legal impact, behavior of participants in legal relations.

Вопрос о предмете правового регулирования относится к числу весьма дискуссионных. Еще в 2004 г. Н.В. Сильченко обращал внимание на ситуацию, сложившуюся в правовой науке – несмотря на признанную теоретическую и практическую значимость конструкции «предмет правового регулирования» ее «общетеоретические разработки сегодня осуществляются неудовлетворительно.. ее ценность как бы просто презюмируется» [19, с. 61].

Прошло почти двадцать лет, но до сих пор так и не удалось создать непротиворечивую концепцию предмета правового регулирования. Палитра научных мнений оказывается весьма широкой – предмет правового регулирования понимается, в частности, как «разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия» [1, с.146]; разнообразные «по своему содержанию, отношения социально-правовой среды» [21, с.38]; поведение людей [12, с.11]; закрепленная в нормах права сложившаяся, стабильная и постоянная структура человеческой деятельности, «ее отдельных видов с целью ее консервации и охраны (защиты) от нарушений, а также дальнейшего развития» [19, с.62]; «волевые общественные отношения (правовые отношения – в полной мере, фактические отношения – в ограниченной) и поведение субъектов (в ограниченной мере)» [5, с.427]; проектируемое к осуществлению в рамках общественных отношений, на которые оказывается юридическое воздействие, «поведение (деятельность) их участников» [26, с.59]; «концентрированное выражение «идеи» нормативного правового акта» [18, с.123].

Нет единой позиции по данному вопросу и у самого законодателя. В большинстве случаев предмет правового регулирования он определяет через категорию отношения, властные отношения, иногда как определенную группу правоотношений [2, 7, 23, 25].

Разная трактовка предмета правового регулирования характерна и для решений Конституционного Суда РФ. Наряду с рассмотрением в таком ракурсе группы отношений высший судебный орган конституционного контроля говорит и о правоотношениях, подчеркивая, например, что «в силу общих правил межотраслевой координации правового регулирования - понятия, заимствованные законодательством об административных правонарушениях из других отраслей законодательства, должны применяться в том смысле, в котором они сформулированы в базовой для регулирования соответствующих правовых отношений отрасли» [13, 14].

При рассмотрении предмета правового регулирования, на наш взгляд, необходимо, во-первых, учитывать этимологическое значение термина «регулирование». По мнению Л.В. Успенского, данное слово, возникшее как тройной гибрид латинской основы, немецкого суффикса и группы русских морфем, означает «направлять», «управлять» [27]. Получается, что правовое регулирование – это упорядочение, приведение в движение, развитие. Остается только ответить на вопрос: чего? Поскольку речь идет о движении, развитии, упорядочении, предметом правового регулирования могут выступать исключительно общественные отношения, но не все, а только правоотношения - те общественные отношения, в рамках которых между субъектами может устанавливаться правовая связь. Как точно отметил Н.Ф. Казанцев, отрицание этого положения «явно не согласуется с действительностью» [5, с.442].

Во-вторых, следует разграничивать правовое регулирование и правовое воздействие. Очевидно, что правовое регулирование предшествует правовому воздействию. В процессе его осуществления вырабатываются и закрепляются в разнообразных формах права правовые регуляторы, отличающиеся от всех иных

социальных регуляторов своей универсальностью, общеобязательностью и принудительной исполняемостью. Обретя необходимую юридическую силу, они начинают оказывать на информационно-психологическом уровне воздействие на всех субъектов общественных отношений.

Предмет правового регулирования составляют правоотношения, образующие самостоятельный вид общественных отношений. Поведение не может входить в его состав, поскольку право призвано лишь устанавливать критерии правомерного и неправомерного поведения.

Предметом правового воздействия выступают сознание и воля субъектов общественных отношений. Воздействие осуществляется с помощью дозволений, запретов, обязываний, рекомендаций, поощрений, получающих свое отражение в соответствующих правовых регуляторах в целях формирования мотивации правомерного поведения, реализации предлагаемых правовых моделей. Соответственно, правовое воздействие отражает информационно-психологический аспект действия права – получая правовую информацию субъект определяет возможные варианты своего поведения. Правовое воздействие может быть непосредственным, когда лицо самостоятельно анализирует содержание принципов и норм права, акты официального и неофициального толкования, а также опосредованно - через системы правового образования, правового воспитания.

С учетом сказанного хочется сделать вывод о том, что эффективность правового воздействия имеет субсидиарный характер, правовое воздействие является следствием правового регулирования. Но данная констатация оказывается справедливой лишь частично.

В правовой науке не вызывает спора положение о том, что правоотношение есть разновидность общественных отношений. От других общественных отношений (например, моральных, религиозных в светских государствах) они отличаются тем, что выражают взаимное правовое положение субъектов права.

Правоотношения, с одной стороны, находят свое отражение в правомерном поведении участников, а с другой – благодаря поведению (например, фактическим действиям в пользу другого лица) возникают новые правоотношения, в том числе фактические.

Практически все разновидности публичных правоотношений «призываются» к жизни соответствующими правовыми регуляторами – при наличии необходимых юридических фактов субъекты становятся участниками публичных правоотношений той модели, которая заранее была установлена субъектами правового регулирования, ее невыполнение, игнорирование влечет за собой применение к ним мер государственного принуждения.

Несколько иная ситуация складывается в сфере частного права. Диспозитивный метод правового регулирования позволяет субъектам выбирать различные варианты поведения – лица вольны принимать решения о вступлении или невступлении в правоотношение, переходе из сферы иных общественных отношений в сферу правоотношений.

М.Ф. Казанцев обращает внимание на то, что конкретное реальное поведение субъектов правоотношений «всегда сложнее и богаче по содержанию модели поведения, заложенной в правовых актах и воспроизводимой в соответствующих правовых отношениях» [5, с.426].

Разделяя данную позицию, хотелось бы добавить, что, с одной стороны, возникают правоотношения на основании действующих правовых регуляторов (обозначим их как классические правоотношения), а с другой - в рамках реального поведения формируются новые правоотношения, модели которых не предусмотрены правом (фактические правоотношения). Они вырабатываются самими участниками в целях удовлетворения, прежде всего, своих экономических интересов. Поэтому не только реальное поведение, но и возникающие правоотношения всегда оказываются гораздо разнообразнее, «увлекательнее» легальных стандартов.

Взаимосвязь между публичными правоотношениями и правом, по общему правилу (могут быть исключения, в частности, возникновение фактических публичных правоотношений при провозглашении колонией своей независимости), носит жесткий характер. Публичные правоотношения возникают, изменяются или прекращаются только при наличии соответствующих принципов и (или) норм права, четко определяющих круг участников, объем их субъективных прав и юридических обязанностей, не допускающих никаких отклонений от императивно установленной модели поведения под угрозой применения карательных санкций в целях обеспечения публичных (государственных) интересов.

Взаимосвязь между частными правоотношениями и правом имеет другой характер. Они могут возникать, изменяться и прекращаться как при наличии правовых регуляторов, так и в условиях их отсутствия. Субъекты правомочны выбирать ту модель правоотношений, которая оказывается максимально выгодной с точки зрения удовлетворения их интересов.

Очевидно, что правовое регулирование объективно не может предложить исчерпывающий перечень схем правовых связей, участники правоотношений способны выработать собственные, не менее, а в ряде случаев и более социально-полезные, устанавливаемые посредством индивидуальных регуляторов. С одной стороны, право не должно превращаться в «оковы», а с другой, искусственно ограничивать предмет правового регулирования, создавать ситуацию расхождения ««правоотношений в книгах» и реальных общественных отношений» [20].

Правовое регулирование правоотношений осуществляется в определенных формах, а именно: установление правоотношений, изменение правоотношений и прекращение правоотношений [5, с.1442]. Очевидно, что данные формы носят универсальный характер, они свойственны не только правовому, но и индивидуальному регулированию в силу его субсидиарности.

Правоотношения как предмет правового регулирования весьма разнообразны. Они могут быть классифицированы по различным основаниям.

Наличие или отсутствие правовых регуляторов позволяет выделять классические правоотношения и фактические правоотношения. Первые регулируются принципами и нормами права, содержащимися в разнообразных формах национального и международного права, вторые возникают и развиваются в условиях отсутствия специальных правовых регуляторов. В таких случаях их регламентация обеспечивается посредством использования индивидуальных договорных регуляторов (или индивидуальных судебных регуляторов) фактических правоотношений [3, с.24]. Например, в начале девяностых годов такая ситуация была в сфере страхования. Первый правовой акт специального характера - Закон РФ «О страховании» был принят только 27 ноября 1992 г. [4]: страховые правоотношения, возникающие между страхователями и страховщиками, упорядочивались путем заключения соответствующего договора страхования.

Можно также предположить, что использование индивидуальных договорных регуляторов для возникновения и упорядочения правоотношений является сложившимся в течение длительного периода времени обычаем права – обычаем договариваться.

В.М. Сырых отмечает, что в частном праве есть все условия для формирования субъектами принципиально новых по содержанию правоотношений, которые соответствуют требованиям объективного права, но противоречат действующим, однако уже отставшим от жизни, устаревшим нормам позитивного права. Данные правоотношения оказываются максимально выгодными – участники самостоятельно определяют объем прав и обязанностей. Рано или поздно государство вынуждено признавать данные правоотношения и санкционировать реально действующие в обществе нормы права [22, с.354].

Правоотношения могут быть действительными и скрытыми. Первые характеризуются тем, что субъекты признают себя участниками правоотношений,

реализующими субъективные права и юридические обязанности, вторые отличаются тем, что одна (несколько участников при множестве сторон) сторона либо не признает наличие установившихся правовых связей, либо пытается обосновать существование совершенно другой разновидности правоотношений.

Скрытые правоотношения достаточно часто встречаются в правовой действительности. К ним, в частности, можно отнести:

- скрытые фактические трудовые правоотношения - факт их наличия признает суд при разрешении споров между работником и работодателем, возникающих в случае их завуалирования последним посредством заключения с работником гражданско-правового договора или фактического доступа работника к работе без оформления надлежащим образом трудового договора [8, 9]. К сожалению, Трудовой кодекс Российской Федерации, равно как и многие другие правовые акты, не отличается логичностью своих статей, используя термин «трудовые отношения». Между тем, еще в 2006 г. Международная организация труда призвала государства принимать все необходимые меры для фактического установления «существования индивидуального трудового правоотношения», возникающего между работодателем и работником [17];

- скрытые фактические договорные правоотношения – факт их наличия также признает суд при разрешении споров между организациями, когда обязательства возникают в результате их встречных действий без надлежащего оформления гражданско-правового договора либо заключения договора, условия которого противоречат фактически выполненным действиям сторон [10, 11];

- скрытые фактические семейные правоотношения – их наличие констатируют суды при установлении в порядке искового производства факта отцовства [15].

Анализ формы и содержания позволяет выделять правоотношения действительные и формальные. Абсолютное большинство правоотношений являются действительными и по форме, и по содержанию. В то же время встречаются правоотношения, которые, формально сохраняя внешнюю правовую оболочку, не имеют реального содержания. Примером подобных могут служить семейные правоотношения между супругами, прекратившими фактически брачные отношения, но не расторгнувшими при этом брак.

Пространственный критерий позволяет выделять правоотношения, функционирующие в реальном мире (традиционные правоотношения) и цифровом пространстве (цифровые правоотношения).

Традиционные правоотношения регулируются принципами и (или) нормами права, содержащимися в разнообразных формах права; характеризуются связями их конкретных участников; возникают по поводу реальных благ, ценностей; выступают результатом волевых действий их участников; гарантируются принудительной силой государства [24, с.296].

Цифровые правоотношения весьма специфичны. Для их возникновения необходимы не только юридические факты, но и цифровые технологии как «дорожные карты» попадания в цифровую среду. Их регулирование обеспечивается посредством действия технических и социальных регуляторов. С одной стороны, субъект подчиняется алгоритмам дигитальных технологий, а с другой – принципам и нормам права, действующим на каждом ресурсе цифрового пространства.

Цифровизация способствовала бурному развитию локального правотворчества, изменению его роли и значения. Данный вид правотворческой деятельности оказался весьма востребованным в условиях цифровой реальности, в которой каждый электронный ресурс представляет собой относительно автономное образование, действующее на основе выработанных единственных в своем роде правовых регуляторов. Их действие ограничено рамками данного электронного ресурса. При этом пользователи вольны выбирать те цифровые площадки, правила работы которых позволяют им наиболее оптимально удовлетворить свои потребности и интересы.

Функционирование цифровых правоотношений заставляет задуматься о необходимости развития научных представлений о правосубъектности, поскольку на первое место в цифровом пространстве выходят не биологические особенности участников (возраст, состояние здоровья), а их техническая компетентность.

Цифровые правоотношения отличаются от традиционных и по своему содержанию. Оно оказалось гораздо богаче, поскольку цифровые технологии позволили не только по-новому реализовать классические субъективные права (купля-продажа товара через маркетплейс) и юридические обязанности (подача налоговой декларации через личный кабинет налогоплательщика), но и породили ранее неизвестные правовые возможности (право на защиту от цифровой дискриминации, право на забвение), создав принципиально новое «поколение прав человека» [6, с.30-36].

При этом следует подчеркнуть, что регулирование цифровых правоотношений в силу их технической составляющей в условиях отсутствия единого подхода в понимании цифровых технологий, их градаций, оказывается гораздо сложнее регулирования классических правоотношений.

Выводы. Предметом правового регулирования выступают правоотношения должного (что должно, может или не должно произойти) порядка, в то время как правоотношения сущего (что произошло в реальности, независимо от действующих правовых регуляторов) составляют предмет индивидуального регулирования. Системный анализ фактического поведения участников правоотношений дает возможность определить эффективность правового регулирования и правового воздействия.

Признание правоотношений в качестве предмета правового регулирования позволяет установить внешние границы действия принципов и норм права, их качественную специфику как правовых регуляторов определенных видов правоотношений, дает возможность разграничить формы права, построить стройную непротиворечивую систему права.

Правоотношения как предмет правового регулирования весьма разнообразны, их можно классифицировать по различным основаниям на классические и фактические, действительные и скрытые, действительные и формальные, традиционные и цифровые.

Литература:

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1994. 311с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс».
3. Ершов В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 8-27.
4. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «О страховании»// СПС «КонсультантПлюс».
5. Казанцев М. Ф. Общетеоретические проблемы учения о предмете правового регулирования / М. Ф. Казанцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 420-447.
6. Мирошник С. В. Особенности регулирования и защиты прав в цифровом пространстве / С. В. Мирошник // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 30-36.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2022 № 58-КГ22-9-К9// СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2021 № 19-КГПР21-9-К5// СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 30.05.2022 № 309-ЭС22-6869 по делу № А76-7395/2020// СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2021 № 303-ЭС21-14110 по делу № А51-22753/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Протасов В. Н. Актуальные проблемы теории права: что и как регулирует право : учебное пособие для вузов / В. Н. Протасов. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. 137 с.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2021 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 7 статьи 7.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Компания Ладога»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.03.2021.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2020 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.02.2020.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»// СПС «КонсультантПлюс».
16. Регулирование правоотношений: Монография. – М.: РГУП, 2020. 562 с.
17. Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» [рус., англ.] (Принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-ой сессии Генеральной конференции МОТ)// СПС «КонсультантПлюс».
18. Свинин Е. В. Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка / Е. В. Свинин // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 1(158). С. 118-151.
19. Сильченко Н.В. Проблемы предмета правового регулирования// Государство и право. 2004. № 12. С. 61-64.
20. Соломко З.В. Понимание правоотношений: марксистская перспектива// Право и политики. 2022. № 9. С.9-19. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38703.
21. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс / В. Д. Сорокин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4(231). С. 34-45.
22. Сырых В.М. Основы материалистической теории права. В 4 т. Т. 1. Объективное право и формы его выражения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. 568с.
23. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза// СПС «Консультант Плюс».
24. Теория государства и права: учебник / под ред. В.В Ершова, отв. ред. Т.В Власова, Т.С. Лесовая. М.: РГУП, 2023. 464 с.
25. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс».
26. Шагиева Р.В. Предмет правового регулирования и его роль для системного осмысления права// Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2(57). С. 59-65.
27. Этимологические онлайн-словари русского языка//<https://lexicography.online/etymology/%D1%80/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>.